

Глава 6. Вновь разыгралась буря

На вершине высокого жертвенного алтаря друг против друга застыли двое мужчин. Между ними безвольно парил Ху Цзюмин. Будь зеваки внизу способны уловить тончайшие оттенки его морды, они насладились бы на редкость занимательным зрелищем: лисий хвост то и дело непроизвольно подергивался от возмущения. Увы, толпу у подножия алтаря это нисколько не занимало — чернь лишь предвкушала, что сейчас кому-то не поздоровится.

Фан Синьтянь нахмурился, чувствуя на себе высокомерный, тяжелый взгляд незнакомца, превосходившего его ростом. Чутье не подводило искателя: этот человек уже встречался ему сегодня по пути — именно он правил той неприметной повозкой на дороге. Сделав шаг вперед и поравнявшись со странным даосом на ступени, он холодно произнес:

— Уважаемый собрат, этого демона изловил я, и отдавать его просто так не намерен. К тому же наверху нас ждет старшая принцесса.

Слова незнакомца прозвучали негромко, но из-за хриповатого тембра отчетливо разнеслись по всему алтарю. Долетели они и до ушей старшей принцессы, сидевшей на самом верху. Оценив нежданного гостя ясным взглядом, она величественно обронила:

— Ступай прочь, пока цел. Я прощаю тебе эту дерзость лишь потому, что ты совершил ее по глупости.

Даос, стоявший к ней полубоком, даже не шелохнулся, словно и вовсе не слышал приказа царственной особы. Он медленно вывел из широкого рукава тонкую, изящную кисть.

— Отдашь его сам, — ровным, безразличным тоном произнес он, — или мне забрать его силой?

Внемя этому ледяному, но властному голосу, Ху Цзюмин поднялся на лапы. Сквозь прутья потемневшей клетки он видел суровый, лишенный всяких чувств профиль даоса.

"А у меня отличный вкус на спасителей! — мысленно усмехнулся лис. — Ладно уж, так и быть, этот даос заслужил прощение за свою грубость"

Копившая силы ярость выплеснулась в один сокрушительный удар когтей. Заклинания на клетке вспыхнули, обжигая лапы, вверх повалил едкий сизый дым, но зачарованное железо поддалось, и в прутьях образовался пролом. Ху Цзюмин мгновенно юркнул в дыру и со всех ног бросился к Цзи Цину. Гордость великого демона требовала помнить: даже если бы этот упрямый даос не явился за ним, он бы все равно вырвался на волю сам.

Фан Синьтянь никак не ожидал, что у плененного зверя еще остались силы для сопротивления. Опомившись лишь тогда, когда лис вырвался из ловушки, он стремительно сложил пальцы в заклинании. В воздухе над беглецом мгновенно соткался кроваво-красный нефритовый диск,

раскидывая багровое свечение и пытаясь придавить Ху Цзюмина к ступеням.

Однако багровые лучи не успели коснуться белого меха. Цзи Цин лениво взмахнул указательным пальцем. Воздух прочертила ослепительная белая вспышка, и сочащийся зловещей аурой диск раскололся надвое, с сухим стуком посыпавшись на каменные плиты.

Избежав опасности, Ху Цзюмин замер подле своего спасителя. Направив на незадачливого ловца дерзкий серебряный взор, он словно заявлял: тот, кто сумеет удержать его, еще на свет не родился.

Цзи Цин сохранял абсолютное хладнокровие, хотя в душе тяжело вздыхал. Возвращаться сюда определенно не следовало. Еще у ворот города Лунной Реки, когда их повозки разминулись, даос уловил едва заметный след лисьей ауры. Он как раз лежал в телеге и лениво тянул вино, из-за чего от неожиданности расплескал половину кувшина себе на грудь. Будучи по природе человеком холодным и равнодушным, он рассудил, что судьба какого-то демона его не касается, и останавливать лошадей не стал.

Да, именно так он и думал. Но стоило повозке миновать поворот и уйти на пару ли к северу, как в голове что-то переключилось, и даос, чертыхаясь про себя, развернулся и помчался обратно.

Взглянув на топчущегося рядом белого лиса, Цзи Цин с изумлением заметил, что тот держит в зубах какой-то грязный лоскут. Присмотревшись, даос опешил: это же был кусок его собственной разорванной полы! Озадаченно покачав головой, он вспомнил, что оставил повозку без присмотра прямо посреди тракта. Разбираться с этой нелепостью сейчас не имело смысла — следовало поскорее вернуться на дорогу.

Заметив, что незванный гость собирается уходить, Фан Синьтянь потемнел лицом. Но прежде чем он успел сделать шаг, уходящий даос резко обернулся. Он насмешливо приподнял тонкие брови.

— У каждого Пути есть свои пределы. Задумайся над этим, — ровно произнес он.

В следующее мгновение и загадочный путник, и белый лис растворились в воздухе, словно их и не было.

Оказавшись в повозке, Цзи Цин привычно устроился на мягкой охапке камыша, прикрыл глаза и погрузился в созерцание, восстанавливая дыхание. На лиса он не обращал ни малейшего внимания.

Ху Цзюмин, которого только что спасли из когтей смерти, нехотя раздумывал, не стоит ли переступить через гордость и выдавить из себя скупое «спасибо». Но видя, что его нагло игнорируют, передумал.

"Разные пути — разные судьбы, — рассудил лис. — Не больно-то и хотелось"

Презрительно поскребя лапой сухой камыш, он устроился в углу, решив отплатить молчаливому даосу той же монетой.

Аккуратно разложив перед собой заветный лоскут ткани и улегшись на него, Ху Цзюмин лишь теперь ощутил, как нестерпимо горят раненные лапы. Ожоги оказались серьезнее, чем он думал: белоснежная шерсть потемнела и покрылась копотью — судя по всему, в раны проникла злая энергия клетки Фан Синьтяня. Несколько раз лизнув обожженную кожу, лис понял, что легче не становится. Тогда он хитро посмотрел на застывшего в медитации даоса. Ху Цзюмин вспомнил о чудесном вине, сокрытом в складках его халата.

Его чуткие уши дрогнули, и в то же мгновение белый комок бесшумно переместился к коленям даоса. Цзи Цин почувствовал это движение, но не шелохнулся — его грудь мерно вздымалась, выдавая глубокое, безмятежное дыхание. Спустя мгновение фляга на его поясе едва заметно качнулась. Даос молниеносно вытянул руку и перехватил вороватую лапу прямо на месте преступления. Он насмешливо прищурил миндалевидные глаза.

— Опять за старое? Решил стащить мое вино?

Лис замер, уставившись на даоса самым невинным взглядом, какой только мог напустить на себя. В прищуренных серебряных глазах читалось неподдельное возмущение.

"Какое еще "стащить"? — словно говорил этот взор. — Я беру свое по праву"

Цзи Цин выпустил пушистую лапу и извлек из-за пазухи изящную, прозрачную пиалу из цветного стекла. Налитая в нее чистая, как слеза, жидкость источала столь густой и манящий аромат, что у Ху Цзюмина мгновенно закипела кровь в жилах. Плеснув немного зелья в латунную флягу, даос убрал сосуд обратно.

— И чтобы больше без спросу не трогал, — строго наказал он.

Лис обиженно ткнул носом флягу, заглядывая внутрь. Заметив, что жадный даос нацедил ему сущую малость, он разочарованно фыркнул.

"Ну и скряга! — злобно подумал Ху Цзюмин, благоразумно не решаясь высказать это вслух. — Пожалел пару капель для раненого!"

Он прекрасно понимал: начни он сейчас качать права, этот нелюдимый человек без лишних слов вышвырнет его из повозки прямо на ходу.

Пока в душном полумраке телеги человек и лис предавались каждый своим безмолвным думам, снаружи, рассекая предвечернее небо, пронеслась лазурная птица цзинвэй. Описав

несколько плавных кругов над повозкой, она взмыла ввысь и скрылась за верхушками деревьев. Однако при взлете из ее хвоста выскользнуло длинное изящное перо. Подхваченное легким дуновением ветра, оно медленно опустилось на крышу просмоленного фургона Цзи Цина.

День клонился к закату, уступая место холодному лунному свету. Даос недолюбливал шумные постоянные дворы, поэтому на ночлег они устроились в глухом лесу, подальше от тракта. Ху Цзюмин высунул мордочку наружу. Тонкое обоняние и обострившиеся чувства подсказали ему: совсем близко, среди зарослей, бьет горячий источник.

Лис ловко спрыгнул на землю, стряхивая с белой шубки сухие камышинки, и подбежал к Цзи Цину. Задрав пушистый хвост трубой, он выразительно посмотрел на восток, увлекая даоса за собой. Тот прекрасно понял намек, но лишь равнодушно бросил в разгорающийся костер сухую ветку и уселся поближе к теплу.

— Ступай один, я останусь здесь.

В ответ Ху Цзюмин раздраженно взмахнул хвостом, выказывая глубочайшее презрение к ленивому человеку. Схватив зубами свой драгоценный лоскуток, он стремительно скрылся в густых сумерках восточной части леса.

Залитый мягким сиянием луны лесной пруд тускло поблескивал серебром. Над самой водой клубился густой теплый пар, укутывая стволы древних исполинских деревьев полупрозрачной вуалью. Ху Цзюмин быстро добрался до целебного источника. Хотя раны все еще давали о себе знать, сил для кратковременного превращения в человека вполне хватало. В конце концов, даже находясь в бегах, истинный девятихвостый лис обязан блюсти безупречный вид и изящество манер — ведь только так можно заманить в свои сети достойную добычу.

Сбросив звериное обличье, он бесшумно скользнул в ласкающее тепло воды. Горячие струи мгновенно обняли его тело, унося усталость и боль. Лис прикрыл глаза, с его губ сорвался тихий вздох блаженства, утонувший в клубах пара. Нежась в источнике, Ху Цзюмин не забыл тщательно прополоскать и выстирать лоскут даосской полы.

Цзи Цин лениво ворошил угли длинным прутом. В голову невольно лезли странные мысли. С каких это пор он стал столь снисходительным? Почему позволяет капризному демону вить из себя веревки? Прежде он никогда не терпел рядом с собой чужих капризов.

Потянув за повод неторопливо жевавшего траву быка, даос ласково погладил его сморщенную, жесткую шкуру.

— Ну и что нам делать дальше? — негромко спросил он животное. — Продолжать путь на рассвете? А этого несносного лисенка... прирезать или просто прогнать?

Старый бык лишь тяжело вздохнул, шумно выпустив воздух через ноздри, а в вышине ему вторил тревожный крик ночной птицы. Цзи Цин внезапно замер и уставился на восток. Из той

стороны, куда ушел лис, повеяло удушливой, свирепой темной силой. У Ху Цзюмина аура была совсем иной — чистой и тонкой, здесь же приближалось нечто чудовищное.

Лесная чаща погрузилась в зловещее молчание, нарушаемое лишь тихим журчанием горячих ключей. В густом тумане сереброволосый юноша медленно запрокинул голову. В полумраке его точеный, безупречный профиль казался сошедшим с древнего свитка портретом прекрасного духа. Он устремил серебряный взор в небеса, где прямо в воздухе неподвижно зависла темная фигура.

Пришелец в тяжелых черных доспехах источал сокрушительную, подавляющую волю ауру. Сомнений не было: это явился сам Король демонов Цинтянь. Он жадно и похотливо смотрел на обнаженное тело в воде, заставляя кровь быстрее бежать по жилам от вожделения. На свирепом лице исказилась плотоядная ухмылка.

— Я же говорил, что тебе от меня не скрыться, — оскалился незванный гость. — Пойдешь со мной послушно — и я прощу твою дерзость. Но если посмеешь отказать... Жалкий калека, сил у тебя сейчас в обрез. Не заставляй меня вырывать твоё демоническое ядро силой!

Мощный рокот его голоса заставил воду в источнике пойти мелкой рябью, но волны разбивались о невидимую преграду, не достигая берегов. Поняв, что Король демонов уже отрезал все пути к спасению запечатывающим барьером, Ху Цзюмин погрузился по самую грудь в теплую воду. Он дерзко и ядовито усмехнулся.

— Хочешь, чтобы я пошел с тобой? — небрежно бросил он, глядя снизу вверх на грозного противника. — Запросто. Сдохни прямо сейчас, и я лично оттащу твой хладный труп на гору Юньцан.

Прекрасно зная упрямый и язвительный нрав беглеца, Цинтянь не удостоил его ответом. Камнем ринувшись вниз, он намеревался скрутить наглеца живьем. Но в тот же миг из бурлящей пены с тихим свистом взметнулась серебряная плеть, скрытая пеленой водяного пара, и намертво обвилась вокруг лодыжки Короля демонов.

Вступать в открытый бой было безумием, и Ху Цзюмин сделал ставку на хитрость. Крепко сжав рукоять плети, он резко дернул руку, пытаясь увлечь парящего противника вниз и с размаху приложить его о камни. Однако Цинтянь ждал этого шага. Его тело окутало зловещее черное сияние, и мощный импульс разрушительной силы играючи разорвал серебряные путы. Тьма, смешавшись с обломками оружия, неостановимой волной обрушилась на Ху Цзюмина, оставив на его бледной груди глубокий, кровоточащий рубец.

Пожирая похотливым взглядом раненого юношу, Король демонов хрипло расхохотался:

— Твои старые раны еще не затянулись, к чему это бессмысленное упрямство? Вот вернемся на Юньцан — там и поиграем, исполню любой твой каприз.

С этими словами он взмахнул рукой, свивая из черного тумана тяжелую Цепь Блокировки Души, которая змеей устремилась к горлу лиса.

Ху Цзюмин резко вскинул голову, его длинные серебряные волосы взметнулись, а остатки пара над озером мгновенно рассеялись от мощной вспышки внутренней энергии. Пространство ощутимо исказилось, и лис исчез за мгновение до того, как цепь сомкнулась. В следующую секунду он, тяжело дыша, соткался высоко в воздухе, едва удерживая равновесие.

Эта игра в кошки-мышки порядком наскучила Королю демонов. Сжав кулаки, он призвал из небытия тяжелое копье. Черная сталь рассекла ночное небо, обрушив на израненного юношу шквал убийственной мощи. Удар был столь силен, что разорвал в клочья его защитные барьеры и швырнул оземь. Потеряв человеческий облик, Ху Цзюмин рухнул в воду жалким комочком — взъерошенным, насквозь промокшим белым лисом, чей роскошный мех теперь заливала алая кровь.

Брызги горячего источника смешались с каплями свежей крови. Теряя сознание и уходя на глубину, лис из последних сил разомкнул челюсти, чтобы поймать летящий по ветру обрывок белой ткани. И прежде чем глаза его окончательно закрылись, сквозь пелену слез и гаснущий разум ему почудился мириад сверкающих осколков... и чья-то чистая, белая фигура, бесшумно сошедшая с небес.

<http://bllate.org/book/20393/2130995>